

НАРОДЫ ОТСТОЯТ МИР!

ПРОИДЕТ еще несколько дней, и перед советскими людьми лягут листы с текстом Обращения Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны. Кампания по сбору подписей под этим Обращением начнется в нашей стране 1 апреля 1955 года.

Мы публикуем отклики советских писателей на Обращение Всемирного Совета Мира.

Соединим наши силы

Последние времена газеты все чаще приносят нам сообщения о военных соглашениях и союзах, заключаемых между отдельными странами и даже группами стран капиталистического мира. И каждый раз в таких случаях выдвигается в качестве оправдания один и тот же предлог: угроза нападения со стороны Советской России.

Каким бесцеремонным надо быть в отношении собственной совести и здравого смысла и каким тароватым на лживые измышления и клевету, чтобы превращать нам такие обвинения! Нам — это значит всему народу, и в том числе мне, ибо кто же и составляет нынешнюю Россию, какие мы — миролюбивый советский народ? Хочу ли я войны? Трудно придумать вопрос неслепее. Книгу мне хочется скорее дописать, книгу о людской дружбе. А потом, если удастся, написать еще и еще, ибо по естественной слабости человеческой души, что имею сказать что-то, еще никак не сказанное.

Я всматривался в круг близких мне и знакомых. Свои заботы у них, свои дела, выполнимые только в мирных условиях. Вот Александр Антипович Иванов — изобретатель электромускульного инструмента, известного под названием «амиритон». Двадцать лет жизни затратил он, чтобы создать этот чудо-инструмент, совмещающий в себе одно множество инструментов духовых и струнных и открывающий безграничные возможности перед композитором и исполнителем. Сейчас стоит вопрос о его массовом производстве...

Вот Глеб Иванович Орловский. Он художник-преподаватель, отдающий делу всю свою душу. При этом он сам неустанно пишет и пишет, совершенствуя собственное мастерство, ибо в умениях дать ученикам как можно больше он видит всю радость своей жизни. Но еще он и считает, что ради новых достижений в своем любимом деле необходимо завоевать предварительные американские материи.

И встречаешь в нашем огромном городе со многими людьми. У каждого из них есть какие-то заботы и заботы. Но никто из них не мыслит себе удовлетворения этих нужд с помощью войны. Пришлось мне как-то побывать среди рабочих на автомобильном заводе имени Молотова в городе Горьком. Основан не так давно выпуск машин «ЗИМ», они подумывают о новых, еще более комфортабельных легковых машинах. Они мечтают о создании полностью автоматизированных цехов. А осуществить

Перекличка народов

Кто из нас не запомнил фотоснимка атомной электростанции, который не так давно был опубликован на первой странице «Правды»? Кто из нас с глубоким интересом, а подчас и с сердечным волнением не читал статей о роли атомной энергии в технике, сельском хозяйстве и медицине...

Недавно на общем годичном собрании Академии наук СССР советские ученые обсуждали проблемы мирного использования атомной энергии. Достаточно сказать, что свыше тридцати научных учреждений провели опыты с меченым суперфосфатом для того, чтобы выработать эффективные способы внесения фосфорных удобрений под сельскохозяйственные культуры.

«Успешное применение атомной энергии в садоводстве — великая заслуга советских ученых», — так сказал заведующий кафедрой плодородия академии имени Тимирязева В. А. Колесников...

В Советской стране атомная энергия прежде всего служит Человечеству. Эта истинная сила делает нашу землю еще богаче, еще красивей... А какие поистине необозримые горизонты впереди!

Но те, чей мир отравлен горькостью, кто вынашивает кровавые захватнические планы, думают не о счастье человеческого и не об украшении земли.

Одни из них, как, например, руководители федерального управления «Гражданской обороны» Петерсон, в принадлежат атомной истории советуют, сделав запас продовольствия, «закопаться и молиться»; другие, в дипломатических фразах и генеральских мундирах, грозят именоваться всех инакомыслящих, утверждая, что США в подготовке атомной войны уже достигли «перелома, после которого нет возврата назад».

Эти «дошедшие до предела» атомщики забывают только об одном: не в их власти принудить человечество «закопаться» в землю. Зато у миролюбивых народов останется сил, чтобы закопать их в землю, если они в безумии своем шагнут за пределы, установленные правом и совестью человечества.

По всей планете звучит многоголосный перекличка голосов. К этой перекличке готовятся присоединить свой голос советские люди.

Мы — не из пугливых. Пусть пертерсоны запугивают кротовей жизнью своих, и без того уже запугавших себя, единодушных советских людей. Советский народ хорошо знает свои истинные силы, он уверен в своем будущем, его манит широкая, вольная стремление высь — к новым трудовым победам, к новым свершениям. И это выразит каждая подпись под Обращением Совета Мира в нашей стране, будет ли она начертана рукой школьника-комсомолика или славным ветераном труда.

Валерия ГЕРАСИМОВА

Вручение международной Сталинской премии „За укрепление мира между народами“ писателю и общественному деятелю Бирмы Такин Кодо Хмаингу

Как сообщалось вчера в печати, 22 марта в Рангуне состоялось вручение международной Сталинской премии мира выдающемуся борцу за мир бирманскому писателю Такин Кодо Хмаингу.

Кодо Хмаингу недавно исполнилось 80 лет. Он был свидетелем англо-бирманской войны 1885 года, борьба за освобождение Бирмы от колониального рабства — дело всей его жизни. В 30-х годах шестидесятилетнего Кодо Хмаингу принял активное участие в мощном антианглийском движении «таканов» — «хозяев своей страны». После второй мировой войны пламенный бирманский патриот — в первых рядах борцов за мир.

Митинг, посвященный вручению премии Кодо Хмаингу, открыл президент Бирманского общества культуры связи профессор У Аунг Хла. Затем выступил советский писатель Николай Тихонов. Его речь была выслушана присутствовавшими с огромным вниманием.

Н. Тихонов вручил лауреату диплом и прикрипил к его груди золотую медаль.

Такин Кодо Хмаингу в своей ответной речи, взволнованно поблагодарив за высокую награду, заявил, что Сталинская премия «За укрепление мира между народами» вручается не столько ему лично, сколько народу Бирмы. Народ Бирмы имеет славу традицию сопротивления иностранному господству. Такин Кодо Хмаингу сказал: «Перед бирманским народом стоят великие задачи, которые он должен выполнить в сотрудничестве с народами всего мира. Атомное и водородное оружие должно быть запрещено, существующие запасы атомного и водородного оружия должны быть уничтожены; испытания атомного и водородного оружия должны быть прекращены. Атомная энергия должна использоваться на благо человечества». Были прекращены. Атомная энергия должна использоваться на благо человечества.

Такин Кодо Хмаингу гордо приветствовал советский народ, который борется за запрещение и уничтожение атомного и водородного оружия, за использование атомной энергии в мирных целях.

В заключение своей речи Такин Кодо Хмаингу под бурные аплодисменты всех собравшихся провозгласил: «Да возрастет мир во всем мире! Пусть крепнет и развивается советско-бирманская дружба! Да будет счастливо все человечество! Да благоденствуют все люди на земле!»

Такин Кодо Хмаингу в своей ответной речи, взволнованно поблагодарив за высокую награду, заявил, что Сталинская премия «За укрепление мира между народами» вручается не столько ему лично, сколько народу Бирмы. Народ Бирмы имеет славу традицию сопротивления иностранному господству. Такин Кодо Хмаингу сказал: «Перед бирманским народом стоят великие задачи, которые он должен выполнить в сотрудничестве с народами всего мира. Атомное и водородное оружие должно быть запрещено, существующие запасы атомного и водородного оружия должны быть уничтожены; испытания атомного и водородного оружия должны быть прекращены. Атомная энергия должна использоваться на благо человечества». Были прекращены. Атомная энергия должна использоваться на благо человечества.

Да благоденствуют все люди на земле!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 37 (3382) Суббота, 26 марта 1955 г. Цена 40 коп.

Размышления на выставке

Сергей АНТОНОВ

Даже бегом осмотрев картины, экспонированные на Весовой художественной выставке, убеждаешься в том, что живописцы и графики значительно расширили круг тем, идей и сюжетов, гораздо смелее и как-то любознательнее стали обращаться в своем творчестве к самым разнообразным проявлениям трудовой и общественной жизни, к природе нашей Родины, к сложным и острым современным бытовым темам.

Этот процесс все более широкого охвата действительности пошел не только шире, но, что еще важнее, и глубже; многие художники стараются проникнуть в психологию, в духовную сущность изображаемых персонажей, в сущность конфликтов и противоречий жизни.

По сравнению с выставками прошлых лет резко уменьшилось количество надуманных, фальшивых, примитивно красивых внешне, но внутренне холодных, стандартных полотен, тех речитивных ложного классицизма, враждебного духу русского искусства, с которыми почти сто лет назад начинали бороться передвижники.

Более широкий и более полный охват действительности повлек за собой и другую особенность нынешней выставки: живописные решения стали разнообразнее, смелее, трактовки сюжетов — оригинальнее, многие художники отчетливо проявили свои индивидуальные склонности, особенности манеры письма, заставили зрителя увидеть явления жизни по-новому, как бы другими, более зоркими и тонкими глазами. Правда, на материалах выставки нельзя сказать, что кто-нибудь из художников в своем творчестве достиг высокой степени самостоятельности и своеобразия, но, к сожалению, это относится не только к художникам. Большинство из нас, писателей, тоже гораздо меньше, чем следовало бы, уделяет внимания вопросам совершенствования формы и предпочитает втискивать новое содержание в давно известные, надежные формальные рамки. Множество стихотворений, написанных в последние годы явно «под Маяковского», — не единственный тому пример. Общезвестно, что изучение и освоение художественного наследия прошлого далеко не исчерпывается копированием формальных приемов мастеров старых, и картина В. Неясова «Рудово» на старом Урале не достигает цели, пожалуй, потому, что так и кажется, будто это не оригинальное произведение искусства, а посредственная копия картины, писанной кем-нибудь из передвижников в семидесятих годах прошлого столетия.

Не мешает ли нам в нашей работе примитивный подход некоторых критиков к вопросу о формализме? Не слишком ли безапелляционно и поспешно всякое своеобразие формы, всякую непривычную написанную картину критики клеймят позорным ярмом формализма, не позаботившись выиснуть в идею и разработать в содержании? Таких беззаботных критиков можно найти и в области литературы, и в области драматургии, и в области живописи.

В живописи, так же как и в других видах искусств, одна и та же тема может быть решена по-разному; оригинальность и своеобразие решения зависят от индивидуальных склонностей художника, от силы его таланта и в большой степени от национальной традиции. Последнее обстоятельство мне кажется особенно важным: известно, что, например, в прибалтийских республиках иные живописные традиции, чем в среднеазиатских, и разница эта определяется совсем не приверженностью к различным формалистическим школам, а национальными традициями искусства, национальным духом народа.

Сводит национальные особенности живописи к формализму и требует, чтобы все художники нашей многонациональной страны приближались к среднему, неизвестно кем выдуманному и неизвестно кем утвержденному ординару, по меньшей мере несерьезно, однако такие попытки делались, например, по отношению к М. Сарьяну и к целому ряду латышских художников.

И хорошо, что М. Сарьян не подчинился увещаниям критиков, не обиделся на чуждые ему каноны и в новых своих работах порадовал яркими, солнечными пейзажами Армении, по-своему раскрыв красоту родных ему долин и гор, испещренных разноцветными тенями, по-новому показав блистающий в прозрачном воздухе Арабат.

Хорошо, что Р. Уугмаа в пейзаже «Вечернее взморье» своеобразно, иначе, чем другие, передает суровый колорит Прибалтики, а А. Иохансон написал картину «Молотья у помешика» в национальных традициях латышской живописи.

Очень хорош пейзаж А. Янзен «Рыуге», написанный как бы с птичьего полета, с зелеными гугами рощ и отражениями облаков, купающихся в озерах Эстонии.

Известно, что борьба против формализма заключается в том, чтобы не допустить пустопорожних формальных вывертов, являющихся самоцелью и маскирующихся безидейностью и убожеством мысли. Но новая форма, соответствующая новому содержанию, — явление необходимое и закономерное, определяющее, по сути дела, новое видение мира. Истинное суждение о правильности или неправильности того или иного формального приема можно вынести только путем выявления степени активности передачи посредством данной формы содержания, идеи произведения искусства. При всяком другом подходе борьба против новых форм объективно превращается в борьбу против нового содержания и тормозит движение искусства вперед.

Отрядной особенностью нынешней художественной выставки является то, что на ней рядом с известными мастерами уверенно заняли место молодые живописцы. Правда, у многих художников техника далеко еще не достигает высоты уровня замысла и глубины идеи. Но этот упрек в равной мере можно адресовать как молодежи, так и художникам старшего поколения. Не говоря уже о просчетах в рисунке, композиции, колорите, иногда можно заметить просто элементарную небрежность и неграмотность письма. Такой опытный мастер, как А. Дейнека, на картине «Открытие колхозной электростанции» расцветил серый пейзаж мужичьи так, что мужчина кажется горбатым. В. Циплаков явно не справился с освещением в картине «После трудового дня». Кроме того, девушка в желтом, лежащая на берегу, кажется до того спянутой, будто ее перерезал каток.

Вести молодых художников принадлежит большинство жанровых картин, экспонированных на выставке. Обращение молодежи к жанру — явление положительное, однако всякий бытовой сюжет таит в себе опасность иллюстративного решения в обход трудной специфики живописи, создан подмены живописных средств воздействия сюжетными эффектами. В последнем случае бытовая картина, при всей значительности темы, обычно превращается в регистрацию того или иного факта, не поднимается до обобщения и, таким образом, не превращается в подлинное произведение искусства.

Отсутствие должной силы обобщения — недостаток многих картин на бытовые темы, экспонированных на выставке, и для того, чтобы преодолеть этот недостаток, молодым художникам следует еще много учиться. А учиться есть у кого, даже если обратиться к картинам той же выставки.

Возьмем, к примеру, картины С. Чуйкова, написанные им за время пребывания в Индии. Индийская серия С. Чуйкова, за исключением Гималайского пейзажа, представляет собой, главным образом, портреты индийских юношей, девушек, женщин. Однако, если внимательно всматриваться в лица, изображенные художником, то становится понятно, что это нечто гораздо большее, чем портреты определенных людей. Это скорее обобщение тех наблюдений, которые делал художник, тех чувств и мыслей, которые овладели им во время путешествия. Мне даже показалось, что несколько отстраненные, обобщающие надписи, такие, как «Воспоминание о Джайпуре», «Снежная кули», более свойственны духу этих картин, чем констатирующие «Студентка из Калькутты» или «Подметальщица из Джайпура».

Очень хороши и пейзаж С. Чуйкова «Гималаи», безукоризненно выполненный как по композиции, так и по колориту.

Международные отклики

В ОБСТАНОВКЕ ШАНТАЖА И ЗАПУГИВАНИЯ

Четвертый день продолжается обсуждение парижских соглашений в Совете республик Франции. И четвертый день бурлит Париж за стенами Люксембургского дворца. Усиленные отряды полиции пытаются преградить путь потоку людей, текущему со всех концов столицы к зданию, где решается судьба страны. Тысячи людей — парижан и жителей других французских городов — приходят сюда, чтобы выразить протест против политики предательства интересов Франции. Только в один лишь день 23 марта здесь побывало 128 делегаций. Массовый митинг на Зимнем велодорожке, забастовки на предприятиях, демонстрации на улицах... Французы продолжают борьбу.

Но напряжение не ослабевает и в самом Люксембургском дворце. Эдгар Фор и другие поборники парижских соглашений хотели помешать прениям. Было внесено предложение ввести регламент и прекратить запись новых ораторов. Сделать это не удалось: напротив, дебаты продлены на 24 часа из-за большого числа желающих выступить. Вчера прения продолжались, а сегодня будут обсуждаться поправки. Лишь затем начнется голосование.

Не приходится говорить, что отсрочка вызывает недовольство Вашингтона. Правящие круги США и Англии подстрекают французских парламентариев, грозят им всеческими страданиями. Что, если Франция не одобрит парижских соглашений? — спрашивает «Нью-Йорк таймс» в номере от 24 марта и отвечает со своей стороны: «Это потребует коренной переоценки политических союзов и военной стратегии Запада, в результате чего место Франции останется пустым...»

Но не так страшен черт, как его малюют американские пропагандисты... Многие из членов Совета республик выражают в прениях возмущение нажимом на Францию. Член группы по «независимым» Раймон Пеншар осудил шантаж США и Англии в германском вопросе. Он предупредил, что парижские соглашения не содержат никаких гарантий против агрессии со стороны Западной Германии. Пеншар с возмущением говорил об угрозе, возникающей на границах Франции. «Необходимо отказаться от вооружения Западной Германии», — сказал он. — Если мы этого не сделаем, все наши жертвы, принесенные в двух мировых войнах, окажутся бесполезными. Я достаточно уважаю достоинство своей страны, чтобы со всей силой сказать «нет» вооружению Западной Германии».

Против беззастенчивого нажима на Францию выступает и буржуазная газета «Мондо». «Ратифицировать парижские и лондонские соглашения», — пишет в этой газете Жак Молюдо, — это не только вооружит старого и всегда опасного врага, это не только развяжет гонку вооружений, последствия которой могут быть трагическими — это, главным образом, подкашивает под окончательным забвением национальных интересов Франции. Если это решение состоится, оно будет вынесено по принуждению».

В последние дни адвокаты вермахта вновь прибегают к более тонким методам воздействия на французскую общественность. Зная, как популярна во Франции идея переговоров четырех великих держав, они пускают в ход уже не раз применявшуюся англо-американской дипломатией красную карту. Снова усиленно распространяется версия, будто переговоры с Советским Союзом начнутся только же, как только будут подписаны парижские соглашения. К отвлекающему маневру прибегают и некоторые французские газеты. Например, Жак Ледерер пишет в «Миди либр»: «Для нас ратификация парижских соглашений имеет смысл лишь в том случае, если она сделает возможными переговоры с Востоком». А Жозеф Барсалу в «Дешю дю миди» не скрывается на чернильных заклинания: «Ратификация парижских соглашений не является самоцелью ни для кого из нас. Все мы желаем переговоров четырех держав».

Лицемерные уловки! Кто сегодня всерьез может считать, что злое согласие, заключающиеся путем к переговорам, делают «возможными переговоры с Востоком», как это утверждает не одна только «Миди либр», а влиятельная печать в Лондоне и Вашингтоне? Кому не ясно, что позорная мюнхенская политика, к которой поборники парижских соглашений призывают Францию, может лишь усилить международную напряженность и увеличить угрозу новой агрессии?

Запугивание и угрозы, уловки и ухищрения — все пушено в ход, чтобы заставить Совет республики ратифицировать соглашения. Но, каков бы ни был исход голосования в Люксембургском дворце, французский народ никогда не поставит своей подписи на соглашениях, восстанавливающих германский милитаризм.

ЛИТЕРАТОР

Месячник венгеро-советской дружбы

24 марта по приглашению Министерства культуры СССР в связи с месячником венгеро-советской дружбы в Москву прибыла группа артистов Венгерской Народной Республики во главе с начальником Главного управления культурных учреждений Министерства культуры Венгрии И. Уйфалуси и художественным руководителем композитором А. Михал.

В течение месячника венгерские артисты побывают в ряде городов Советского Союза.

Горьковские чтения

В Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР 28 марта состоится горьковский чтения.

Будут заслушаны доклады В. Бляжика — «Горький и предельные традиции русской литературы XIX века», В. Ланной — «Масовские сны в романах М. Горького» и В. Орловой — об участии Горького в большевистской прессе 1905 года.

60-летие А. Кононова

Исполнилось 60 лет писателю Александру Терентьевичу Кононову. Союз писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором отмечает его заслуги в деле коммунистического воспитания советской молодежи.

А. Кононов, работая в том прекрасном жанре нашей литературы, который называется детской литературой, завоевал любовь и уважение со стороны читателей. Его «Рассказы о Ленине», повесть «Верное сердце» вошли в круг любимого чтения советских людей. В приветствии отмечается, что А. Кононов обладает несомненным качеством — он умеет писать так, что его книги в равной мере любят и детские и взрослые читатели.

В день Вашего юбилея, говорится в приветствии, нам особенно радостно видеть Вас прежде всего молодым, полным творческого горения и новых замыслов. Мы уверены, что еще много свежих, поэтических, по-коновски написанных книг будет создано Вами для наших советских детей и юношества!

(Окончание на 2-й стр.)

Эта статья посвящена поэме великого Маяковского, а совсем небольшой книжке молодого поэта Владимира Карпеко, выпущенной Крымским издательством.

Это и впрямь «молодая» книга. Она еще не дает оснований говорить об авторе, как о вполне сформировавшемся художнике, но в ней есть уже точка зрения на мир...

За последние годы наблюдаются в нашей поэзии своеобразное «гошение» на любовную лирику. А теперь, наоборот, появляются очень много стихов о любви...

Нашей поэзии нужен более глубокий и мудрый разговор о высокой морали советского человека, а вместе с тем — о любви, разговор, который бы помог молодым сердцам...

Любимых мы не называем Джульеттами. Неужто жить лишь подражанием древности? Должны и мы достойно быть воспетыми...

Мне видятся те годы отдаленные, Когда в сейчас еще безвестном имени Увидат образцы любви влюбленные И так же нас сочтут неповторимыми.

Этим маленьким стихотворением Владимир Карпеко открывает второй раздел своей книжки. Это тема — тема большой, настоящей любви, во всей ее сложности...

Первый раздел книги занимает поэма «Еще про это», эпиграфом к которой взяты строки из поэмы Маяковского.

Молодой поэт рассказывает нам простую историю о том, как герой, юноша, — чьи губы, «не знаящие девичьих губ», «припадали в походах к болотной воде, перешагнутой с илом густым»...

Сердце верило, ничем не печалась, — Даже тем, что не ссорились мы никогда, Даже тем, что мы реже и реже встречались...

Сколько у нас написано стихов и поэм о том, как юноша возвращается с войны, украшенный славою и боевыми орденами, и как его жлет и не дожидается, как сразу любуется уже у первого крыльца его любовь!

В. Карпеко. «Еще про это», Крымиздат, 1954.

Девушка, которую любит герой поэмы Карпеко, наливает его сторицей, избегает и, наконец, просто не приходит на свидание. А когда поздним вечером юноша вбегает к ней, у них происходит репительный разговор. Любимая, осторожно выбирая слова, говорит, что они оба ошиблись, что ей очень трудно, но она надеется, что он ее поймет.

У тебя волосы поседел. На лице шрамки синие. Сколько пришлось перестрадать! Ты смерть воочию видел, Чтоб я спокойно учебник листать за парту сидя...

Девушка понимает, что многим обязана ему. Би казалось, что она не может отвергнуть его любовь, потому что этим она обидит героя. Но после первой же встречи, после первого же поцелуя она поняла, что испытываемое ею чувство мертво...

Вот, собственно, весь сюжет поэмы, все, что в ней происходит. Но дело тут не столько в том, что происходит, сколько в чувствах и переживаниях, в отношении к происходящему героя. А герой поэмы, получив тяжелый удар, оставшись один, не копается с собой и не делает несправильных гаданий...

Часто бывает, что, встречая стихи, написанные рублеными строчками, «под Маяковского», испытываешь раздражение и обиду за великого поэта, — таким внешним, таким холодным выглядит это подражание. Как часто поэты, имитирующие ритмы Маяковского, не умеют почувствовать могучую внутреннюю музыку его стиха...

Часто можно слышать споры: какая тема в поэзии важнее, какой именно темы требует от поэта время. Мне кажется, что нет плохих и хороших тем. Я считаю, что не менее важна позиция поэта. Активная борьба за воспитание новых чувств...

с палкой и шпалой в руке, Играл на бронзе солнца блики, и вдаль глядит, как живой, ставший писателем великим — русский мастерской. Мимо проходит народу много, и для юнцов-старшеклассников он такой же.

Станет белорусский вокал в Москве; фасад его выгнут подковой. Перед вокалом на сквере нарядный свир, на сквере памятник новый. Потоком движения окруженный, на каменном острове, Горный застыл с головой обнаженной.

Традиционным праздником Недели детской книги началось в Колонном зале Дома союзов открытие «Недели» в Колонном зале Дома союзов. На снимке: болгарский детский писатель, лауреат Димитровской премии А. Босев среди школьников в фойе Колонного зала Дома союзов.

Дом союзов собрался пионер и школьник столицы. Тепло и непринужденно прошла встреча ребят со своими писателями, а также с гостями из Германской Демократической Республики и болгарским писателем А. Босевым.

На снимке: болгарский детский писатель, лауреат Димитровской премии А. Босев среди школьников в фойе Колонного зала Дома союзов.

СПУТНИК, УЧИТЕЛЬ, СОВЕТЧИК

Хорошая книга в детстве, словно материнская ласка, — что может быть лучше нее! Первые книги — первые радости, первое видение мира, пусть подетки наименее, но уже осмысленное.

В нашей стране издается огромное количество книг для детей. В 1953 году по сравнению с 1913-м тираж детских книг увеличился в четырнадцать раз. За послевоенные годы книги для детей печатались более чем на пятидесяти языках.

Мне кажется, литераторы порою полагают, что маленький читатель слишком наивен и его можно легко провести. Это ошибка. Он всего-навсего недостаточно еще опытен, чтобы самостоятельно разобраться в этом большом мире.

В Союзе писателей СССР

И апреля исполняется 25 лет со дня смерти Владимира Маяковского. Дата эта будет широко отмечена общественностью. Секретариат Союза писателей СССР образовал Комиссию по подготовке и проведению памятной даты.

«Куда спешить? Погони. «Не хлебом единым жив человек» — согласен я с изреченьем, но убедился за долгий свой век — и не единым учением! Хочу, кроме книг, кое-что тебе дать — и... пачку червонцев кладет. Я суммы такой заработать тогда не смог бы за целый год. Мне б эти деньги взять и сказать ему от души: «Спасибо!», а я бормочу: «Зачем, Алексей Максимыч?» Мнущь, будто на углях горячих стою, а он говорит: «Возьми! Ведь я не в подарок тебе даю, взаимы их даю, поймай! Отдашь потом...»

«Не скоро найду возможность их вам отдать». Он улыбается: «Что ж, подожду». А я не беру опять. Нет, ничего не выходит из этого арифметически тактического расчета: «силенок не хватает, вот и берем». И этими мудрыми соображениями мы сильным, не этим «спонсорным благодушием». Некрасов показывает — и этим разоблачает — механизм примирения, приспособления. Странно, что критику З. Кедриной кажется, будто он оправдывает «ступеньки героев трудностям жизни».

Митясов относится к людям, которые, процесс свое мастерство через войну, находят в себе силы для отпора тем, кто посягает на партийные принципы. Пусть Чемень — декан, а Николай только студент, — он коммунист и, значит, он в ответе за все, что происходит на факультете. Митясов разоблачает Чемена на партийном собрании. За ним поднимается партийная организация факультета. Казалося, Чемень действительно больше, чем просто Чемень. Но стоило Чемен-

О ПОВЕСТИ В. Некрасова «В родном городе» уже писали в «Литературной газете» критики Ан. Тарасенков (20/XI 1954 г.) и З. Кедрина (22/III 1955 г.). Мне бы хотелось высказать другую точку зрения на эту повесть, тем более, что нам вообще нужно чаще и шире обсуждать новые литературные явления.

Митясов и Чемень

В своей новой повести Виктор Некрасов пишет о том, что имеет отношение к любому из нас, — он пишет о принципиальности коммунистов, о мужестве людей, которые уже приняли бой, людьми вернулись с войны и, естественно, больше всего на свете хотят мира, мира для труда. Но дело в том, что война кончилась, а бой продолжается — в самой нашей жизни, потому что мы вошли в наше время, по известному выражению, с «родными принципами» старого общества, которые мифифицируются, применяются к новым условиям, но от этого нам только труднее.

Скажу прямо — и страшно, страшно потому, что для этого нужна двойная смелость и прежде всего смелость мысли. Нужно поверить, что Чемень — твой противник, в то время как он действует от имени самого тебе дорогого, от имени партии. Нужно суметь отделить его от нашей идеи, мысленно, для себя сначала, отделить его от партии и удержаться; удержаться на том, что прав ты, а не он, что у тебя веления вовсе не с тем делом, которое партия доверила Чеменю, а с самим Чеменем; удержаться на том, что он совсем не коммунист, а ты совсем не человек, критикующий со стороны. — Чемень будет в этом тебе убеждать, но ты не поверь ему, не испугайся себя. Это смелость перед самим собой — тут важно поверить себе, своей партийной повести.

Этот свой как будто бы пареня. О ком же больше можно сказать «советский» и «наш», как не о нем? Родился в рабочей или в крестьянской семье. Был пионером, а если не успел пионером, то комсомольцем, прошел с тобой свозь пятилетку, а главное — он воевал. Как же может стать он твоим противником? Может.

Те возможности, которые советский строй открывает перед личностью, Чемень использует для возмещения собственной личности, для своей карьеры. Выращенный, выученный народом и партией, он начинает забывать о народе, о партии, которая его подняла. Он подбегает вокруг себя людей, которые нраву его не перчат, он использует бдительность, как средство борьбы с людьми неудобными. У него холодные стальные глаза, когда он говорит о государственной необходимости, о партийной целесообразности, но за этими словами скрывается его личная необходимость и личная целесообразность.

Такой вот Чемень умеет создать впечатление, что кто-то где-то считает лично его поведение и его взгляды единственно верными. Мы говорим о фетишизме, о том, что в определенных условиях людям начинает казаться, что вещи, результаты труда их, от них отчужденные, вдруг обретают какую-то сверхъестественную силу. Я не знаю, каким словом, похожим на фетишизм, назвать отношение, вдруг появившееся порой к людям типа Чемень. Вдруг начинает казаться, что действительно Чемень больше, чем просто Чемень, и что если ты расхолишься с ним, ты расхолишься с самой истиной.

Но смелость мысли — лишь первая ступенька. Чтобы вступить в борьбу с Чеменем, требуется еще и другая смелость — смелость души. Доказывая неправоту Чемень, ты рискуешь многое потерять. На войне тебя не считали трусом, но Чемень — декан и член бюро, он уверял тебя, что его поддерживают в райкоме и даже в горкоме. Да и как не поддержать его? Фронтники, орденосенцы, к тому же подкован, специалист.

А ты? Ты весь только в прошлом и в будущем, Хохряков, — у тебя боевые заслуги, но этого уже мало, и потому ты усади себя за школьную парту; сегодня ты пока что никто — студент, которому трудно, пришла с войны, решать математические задачи. Ты не хочешь жить только вчерашним, а во имя завтрашнего, когда ты будешь приносить настоящую пользу народу, ты берешь свои силы и ни во что не лезешь. У тебя просто расчет: «сплеснок не хватает, вот и берем». Не на этом ли поймали тебя?

Не потому ли ты, уставший, болезненный человек, стал сейчас секретарем партийной организации? Почему именно ты? Вспомни, кто поднимал твой авторитет на партийных собраниях? Кто предложил тебя в бюро факультета? И кто однажды наметнул одному профессору, что, кроме науки, есть в жизни политика, и прежде чем ставить вопросы, надо знать, кому ее ставить? Ты многим обязан капитану Чеменю — тебе ли сейчас с ним бороться?

Ты не хочешь жертвовать учебной, профессиональной, но при этом ты жертвуешь большим. Ты, который всю жизнь воевал за то, во что верил, — уже не берешь. Нет, ничего не выходит из этого арифметически тактического расчета: «силенок не хватает, вот и берем». И этими мудрыми соображениями мы сильным, не этим «спонсорным благодушием». Некрасов показывает — и этим разоблачает — механизм примирения, приспособления. Странно, что критику З. Кедриной кажется, будто он оправдывает «ступеньки героев трудностям жизни». Митясов относится к людям, которые, процесс свое мастерство через войну, находят в себе силы для отпора тем, кто посягает на партийные принципы. Пусть Чемень — декан, а Николай только студент, — он коммунист и, значит, он в ответе за все, что происходит на факультете. Митясов разоблачает Чемена на партийном собрании. За ним поднимается партийная организация факультета. Казалося, Чемень действительно больше, чем просто Чемень. Но стоило Чемен-

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

между автором и читателем существует взаимное понимание, поскольку разговор ведется начистоту; объективно — умение находить детали, выделяющие глубинную характеристику, состояние, ситуации, делающие издатели комментарии (например, замечание Николаем две злые шутки над Шуриним столком).

Митясов и Чемень

Итак, особенность авторской манеры является сдержанность, и эта особенность — достоинство книги, но когда манера — сама хорошая — доводится до крайности, из достоинства книги она грозит превратиться в ее недостаток. Автор сдержан. Значит ли это, что и все любимые автором герои повести должны быть сдержанны? Насколько это реально? Обязательно ли распространять авторскую манеру, авторский стиль на всю повесть? Обязательно ли распространять авторский стиль всех главных героев повести?

В книге и Шура, и Валя, и Николай, когда берет излет об их личных взаимоотношениях, слишком горды, слишком сдержанны, чтобы опускаться до объяснений и бороться за свое личное счастье. Все трое! А ведь они так различны между собой! В действительности поведение каждого из этих людей имело свою особую мотивировку. Например, Валя и Николай расстались второй раз совсем не потому, что не поняли друг друга, отказавшись от объяснения. Пока Николай живет впопыхах, он и любит впопыхах. Для такого человека, как Николай, не может быть настоящей высокой любви (а Валя не из тех, кто соглашается на меньше) без права на уважение, прежде всего самого себя. (Замечу, кстати: личная жизнь Митясова целиком зависит от его общественной жизни, трудно понять, что дало повод З. Кедриной утверждать, что автора прежде всего интересуют «те трудности», которые происходят «в личной судьбе» героя).

По противоречию, раздвигавшее Валя и Николая, остается в глубинном подтексте, на поверхности оно подмывается простым недоразумением. (Герои не объяснились и не поняли друг друга). Конечно, в жизни это противоречие могло совпасть с недоразумением или выразить себя через него. Но беда в том, что в тексте повести это недоразумение создает впечатление излишней пассивности героя в личной жизни и может быть воспринято как пассивность в жизни вообще — это доказывают статьи Ан. Тарасенкова — в то время, как общественная, партийная активность Николая Митясова, по сути, не подлежит сомнению.

Быть может, здесь автор стоял бы несколько погранично глубинный подтекст, приблизить его к видимой поверхности, потому что нет никакого смысла наводить тень на белый день, так же как нет смысла авторскую манеру делать эталоном поведения его героев и тем вносить некоторую искусственность в книгу, которая характерна как раз своей естественностью.

4. Композиция повести воспроизводит естественное течение жизни. Автор мало беспокоит, что при этом нарушается ряд канонов. Например, чеховский тезис о том, что если в первом акте на степе повешено рубье, то в последнем акте оно должно выстрелить, часто понимается у нас слишком буквально. Тезис этот нужно понимать, я думаю, как требование подчинения частностей целому. Если на степе повешено рубье, то оно будет «выстрелить», т. е. действовать в плесе уже тем, что его присутствие подчеркнет или выразит какую-то черту обладателя изображаемой комнаты. Но выстрел буквальный может как раз ничего не добавить.

Часто бывает в жизни, что мы встречаемся с людьми, которым суждено сыграть какую-то роль в нашем формировании. Мы минуем определенный этап, выходящий из него навсегда измененными, но больше уже никогда к нему не вернемся. А в книгах почему-то, столкнув героя с каким-то другим человеком, мы считаем себя обязанными тянуть этого другого человека, не нужного больше ни герою, ни развитию действия, до конца повести ради мнимой цельности сюжета. Но ведь, описывая ради своего героя, через его восприятие, скажем, восход солнца, мы не считаем отныне своим долгом следить за дальнейшим его восхождением, закатом, новым восходом — и так до последней страницы.

Некрасов свободен от этого шаблона, потому что он следует за жизнью. В жизни Николай Митясов вошел дружным коллективом в квартиру № 16. Все они вместе оставили неизгладимый след в душе Николая, но позже он не сталкивался с этими людьми, и автор не насыщает повествование, не тинет эти образы до финиша. Входит в жизнь Николая другой коллектив — группа, в которой он учится. И Некрасов с тем увлечением, с каким относится к ним Николай, описывает его новых товарищей, не задаваясь заботой, что книга уже подходит к концу и что не так-то, мол, уж прилично под занавес вводить новых героев.

Часто бывает в жизни, что самое существенное в нашей судьбе, то к чему мы долго готовились, принимаем конкретные формы совсем неожиданно и приходим совсем не оттуда, откуда мы его ждали. А в книгах почему-то мы считаем обязательным с первых страниц затронуть о так называемой «загадке». Верность жизни освобождал Некрасова и от этого. Чемень возникает только во второй половине книги и до четвертой четверти ее не обнаруживает себя (пока дело не дошло до вопроса карьеры). Может быть, это нарушение каких-то композиционных законов, но это — жизненно. Никольцев появляется вообще в конце книги. Следуя принятым канонам, образ Никольцева надо было бы ввести раньше, но это нарушило бы правдивость книги, ибо история с Никольцевым только предлог для тех же событий.

Подготовленной, закономерной у Некрасова является лишь обаятельная тенденция развития образа, общая тенденция развития жизни. Это и делает его композицию естественной, отражающей течение жизни. Некрасов, очевидно, относится к тем художникам, которые, прежде чем написать новую книгу, должны прожить какое-то время, являющееся не только значительным отрезком их собственной жизни, но и определенным отрезком живой истории. Хочется, чтобы его третья книга вместила в себя следующий шаг нашей жизни.

Ю. КАПУСТО

